

ЗАМЕТКИ МИМОЛЕТНЫХ ЛЕТ

Около года назад Алтайское краевое телевидение в новостях преподнесло зрителям любопытный сюжет: некий житель деревушки в Чарышском районе долгое время вытирал ноги на крыльце своего дома о металлическую сетку. Но однажды он, житель чарышский, принялся полоскать в кадushке сетку от грязи и прозрел — каждое кольцо сетки тщательно и даже искусно проклепано, а все колечки вместе есть не что иное, как кольчуга! В музей ее, в музей! Так он и поступил.

Как часто мы вытираем ноги о наше прошлое, сами того не замечая...

Вот у наших соседей-казахов со своим прошлым обходятся совсем не так. Четыре года назад довелось мне побывать на Абаяевских чтениях в поселке Караул, где выстроен мощный мемориал в честь Абая, а над его могилой возведено некое подобие космического корабля, будто бы уносящего прах писателя в небесную вечность. Но, прежде поездки в Караул, бродил я по берегу Иртыша в Семипалатинске — там укомно на безлюдье — и выбрал на скульптурный отстойник. Подобных и у нас в России теперь в избытке. В таком же отстойнике даже у нас в Барнауле теперь пребывает товарищ Киров... А в семипалатинском — над иртышской водой теснились тринадцать фигур Ленина, пять бюстов Калинина, четыре разнокалиберных Дзержинских и еще какие-то неопознанные мной деятели там стояли: кто лицом, кто затылком повернутые к реке казахских времен — к Иртышу. Иные из них стеснялись своего вида — даже снятые с пьедесталов, они были исхлестаны железным прутом, и то ухо, то бровь были ущербны, но преобладающим изыном было кромешное безносье.

Так совпало, что после той поездки я узнал, что на берегу Иртыша, в городе, носившем гордое имя русского первопроходца Сибири, крепко не повезло носителю этого имени — то есть самому Ермаку не повезло. Ему не стали отбивать нос и крутить уши. Памятник казачьему атаману просто развалили. Воровски. Ночью. То было, когда Ельцин щедро угощал национальные окраины дармовым своим блюдом: «...Берите суверенитету столько, сколько сможете съесть...». Эту команду жители города Ермак поняли на свой лад и решили свою суверенность получить в чистом виде — без русской скульптурной примеси. А переименовав город Ермак в город Аксу, казахи в прямом смысле вытерли ноги об Ермака. Это было еще до того, как талибы в Афгане закладывали динамит под гигантскую фигуру Будды. Было это в 1996 году.

Но железобетонный Ермак, свергнутый с пьедестала с помощью трактора, который казахам в Павлодаре построили потопком атамана, не канул в воды Иртыша. Не утонул он в реке времен. Житель г. Ермак С.Г. Яловцев с друзьями ночью погрузил обломки скульптуры в длиннотарный КамАЗ и подрулил к песчаному карьере. Иртышский песок покрыл обломки атамановой фигуры, и когда машина двинулась из г. Ермак в г. Змеиногорск, груз у гаишников и таможенников не вызывал вопросов — инертный строительный материал в кузове.

Бывший ермаковец Яловцев благополучно довез свой груз до Барановки, что под Змеиногорском, и залег Ермак Тимофеевич, расчлененный, на частном подворье. Залег на несколько лет. Был бы жив коммунист Шумаков, устроитель и блюститель благочестия Барановки, он бы не утерпел и нашел бы место Ермаку в родном селе, но, некогда гремевшая на весь край Барановка, ныне пришла в упадок. Слава и порядок требуют постоянной подпитки, а ее нет. Посудили-порядили в районе и решили Ермаку определить место в Змеиногорске. Но, скоро сказка сказывается, да не скоро дело... А пока оно длится, это «не скоро», есть смысл напомнить о том, как относились в Прииртышье аборигены — современники Ермака — к его имени и славе.

Кочевая честь покорителю Кучума!

Левобережные киргиз-кайсаки (казахи ныне) в те поры вели войну с мощным южным соседом — Джунгарским ханством. И поскольку кайсаки были разобщены на мелкие родовые союзы, то удача им не маячила. Были они джунгарами часто побиваемы, о чем и сами свидетельствуют... Совсем иначе выглядели во второй половине XVII века джунгары. У них тоже не было единого национального лада, но, ламаисты по вере, они могли стремительно объединяться хоть против манчжурской империи, хоть против полужычников кайсаков, не имевших на своей территории в то время сколь-нибудь примечательной мечети даже в Тургустане на Сыр-Дарье.

Кочевник по природе, джунгар уважает силу и воинскую доблесть. Имя Ермака и его победа над Кучумом в кочевом мире стала образцом доблести и отразилась даже в легендах единоплеменников Кучума — в татарских преданиях. Что уж говорить о джунгарском восприятии образа Ермака-победителя. Рассказы о том, что значит для Аблая-тайши зюнгорского имя Ермака, запомнил молодой Семен Ульянович Ремезов. Он их слышал из уст отца. Ульян Моисеевич Ремезов в 1660 г. ездил из Тобольска с поручением дипломатическим — договориться о мирном соседстве с Аблай-тайшой, кочевавшем по левобережью Иртыша, передать ему подарки и, самое главное, о чем просил Аблай тобольских воевод — передать ему воинское облачение Ермака. В статейном списке о посольстве Ульяна Ремезова так и значитя: «...в степь к Девлет-Кирею царевичу и Лоузану-тайше с выговором о мирном поставлении и к Аблаю-тайше с Государевым жалованьем, с сукны и Ермаковым пансырем». Аблай свято верил — облачившись в панцирь Ермака, он будет непобедим. Не повезло Аблаю, не спас его Ермаков панцирь. В схватке со своим единоплеменником — торгоутом Аюкой-ханом — он был пленен. Аюка-хан сдал пленника Москве, где тот и кончил свой век.

Все это описал в «Истории Сибирской» памятный человек Семен Ульянович Ремезов, воочию видевший доспехи Ермака и отцовские записи рассказов Аблая-тайши о первом русском атамане в Сибири. Однако же имя его оказалось ненавистным не только для казахов, коим Ермак на хвост щелотки соли не уронил. В годы недавние, бывая в Тобольске, я часто выходил на Троицкий мыс, где стоит обелиск в честь Ермака, и не раз приходилось слышать от тобольских татар гневные слова: «До каких пор здесь будет стоять памятник завоевателю?!».

Да, русские завоевали Сибирь. В царские времена так не стеснялись говорить. В Тобольских храмах из века в век поминали казаков ермаковой дружины, основываясь на Синодике, составленном в конце XVII века. Насколько высоко почитался подвиг Ермаковой дружины в Сибири можно судить по такому факту: хранившееся, как величайшая святыня, знамя ермаковой дружины в одной из церквей г. Березова, нижайше кланяясь березовскому казачеству, выпросил командующий Сибирского военного округа. Степной генерал-губернатор и Войсковой наказной атаман сибирского казачьего войска генерал Г.А. Колпаковский добились таки, что бы то знамя хранилось в главном храме сибирского казачества, в войсковом соборе г. Омска.

И березовские казаки вынесли свой приговор. Привожу его полностью:

ПРИГОВОР

1833 года, марта 17 дня, город Березов Тобольской губернии

Мы, нижеподписавшиеся родовые казаки дружины Ермака Тимофеевича, покорителя Сибирского царства, служившие в Березовской казачьей команде, в ознаменование трехсотлетия Сибири и наименованием Государем Императором, Первого полка Сибирского войска полком Ермака Тимофеевича, согласились:

Знамя нашей дружины передать на хранение в означенный полк, вследствие распоряжения Командующего войсками омского военного округа, а потому единогласно и лично эту святыню вручили командированному в город Березов личному адъютанту командующего войсками Омского военного округа есаулу Жукову для доставления.

Палтырев, Первов, Никитин, Козлов, Охлопов, Старков, Поляков, Кокушин, Мецераков, Ухов, Яценко, Ямищиков, Шахов, Оболтин и другие.

В великой гражданской братоубийственной смуте знамя дружины Ермака было изъято из Никольского храма в Омске, и бог весть куда кануло при разгроме остатков воинства атамана Б.В. Анненкова. А отступал он вглубь Азии через рудный Алтай, до Змеиногорска — рукой подать.

И вот с утратой Ермакова знамени, на котором вышиты были уральскими послушницами с одной стороны образ Святого Михаила, а с другой — Святого Даниила, как будто утратилась в Сибири традиция поминать казаков Ермака по Синодику.

И вот подошло 400-летие завоеванию Ермаком Сибири, и уже залебезил официоз — празднует такое-то «летие» мирного присоединения Сибири и России. Нет, братцы. Завоевали. А вот Казахстан не завоевывали. Он сам просился под крыло российское, начиная с Абулхайрхана в 1734 г. А вот теперь отплевывается от русских названий городов и сел, возвышая свою гордыню над железно-бетоном памятника и превращая его в скульптурную расчлененку. Младший брат русской истории не стесняется.

В том, что Змеиногорск не отверг замысла воссоздать образ Ермака в своих пределах, я вижу особый знак. Змеиногорцы не стесняются русской истории Сибири. Чего не скажешь о Барнауле. Город, порази меня Всевышний, и по сей день стесняется имени того, благодаря кому он рожден. Имени и образа Демидова стесняется. Однажды, на заре учреждения «Демидовского фонда», мы с архитектором П. Анисизоровым и скульптором М. Кульгичевым принесли мэру города В. Баварину эскизный проект памятника Демидову. «Уралинвест», получивший лицензию на разработку полиметаллов под Змеиногорском, давал деньги на памятник. Глава городского самоуправления Барнаула был настроен критически и заметил даже пыль на макете. И уронил: «Что-то ваш проект паутиной подернут... И эскиз к рассмотрению не принял. Ныне тот замысел не только зарос паутиной, но и потерял финансирование. «Уралинвест» Алтаю «сделал ручкой» или наоборот, но, пришедшая на наши рудные поля Уральская Горнометаллургическая компания, культурно-исторические проекты поддерживать не торопится. Надо руды отгрести, остальное, как говорится, на далекое «потом». Словом, проект памятника Демидову отвергнут, архитектор пустился в компромиссы и предлагает воздвигнуть триумфальную арку в честь горного дела на Алтае. Может быть, она и нужна, но ведь утвержден в честь этого Демидовский столп. Это первое. И второе. Когда история не персонафицирована, она безлика. И не все в нашем русском доме на Алтае расставлено по своим историческим местам. Более того, мы будто бы учимся у соседней цивилизации, кочевой по своей природе, — у казахов учимся стирать с лица предками нашими обжитой земли пометы времени и судьбы. И даже далее Барнаула убежать за доказательствами не надо. И здесь — под боком примеров череда немалая!

Вот один — он у всех на виду. Не смогли восстановить дважды сгоревшую гостиницу «Империал», где в Гражданскую располагался штаб Мефодия Мамонта, так это место облюбовал проворный строитель и вколотил свои сваи в обсыпанные серебросодержащим шлаком берега Барнаулки, т.е. в заповедную зону города — вспух на правом берегу реки, давший имя городу, новый торговый фурункул, наискосок от неуклюжего «Пассажа». Они вместе, будто сучье вымя — есть хвороба с таким названием, — повисли в подмышке Матушки-Оби.

Сперва сожгли, а потом дали разграбить на Соборной площади деревянное двухэтажное здание женской гимназии с малой колоколенкой на южном углу. И вот уже воздвигается на фундаменте гимназии — добротная основа! — некое серо-кирпичное угрюмство, а по всей зоне старого Барнаула там и сям торчат краснокирпичные особняки и офисы, словно прыщи, набрякшие на морде сдуру нарумянившейся площадной девки.

Какой национальности шедевры?

Торчат над старым городом золотовские и реутовские «псевдобилдинги», лишенные национальной архитектурной доминанты. Проходишь мимо них и непонятно — толи ты в малайзийской колонии, толи в провинциальном Анкоридже на Аляске... Всуропил с благословения властей архитектор Золотов на углу Ленинского и Партизанской свое приземистое детище с огромно-уродливыми кокошниками и ничего — проглотила городская общественность, приучает глаз видеть ежедневно архинелепость. Злые языки говорят, что господин архитектор укукошил Ленинский проспект, но более благонамеренные успокаивают: «Стерпится-слюбится». Ведь уже

стерпелись горожане с плюмажно-комзольным Ползуновым на «сковородке» перед Политехническим.

На фоне новой безнациональной барнаульской архитектуры отрадой редкой смотрится белокаменная часовня на перекрестке ул. Никитина и пр. Ленина. Но сколько не ставь часовен на главной оси города, они не добавляют духу барнаульской крепости. Не слышат барнаульцы бессмыслицы. И не уши, не умы им запечатало равнодушие. Души запечатаны. Может быть, запечатаны борьбой за пресловутое выживание. Вдумайтесь в чудовищное соседство слов. Часовня на проспекте Ленина! Часовня на проспекте имени самого лютого атеиста! Ведь это он накануне смерти подписал циркуляр для коммунистов, в коем утверждалось: ...мы знаем, на чьей стороне истина и по этой части в помощи попов не нуждаемся. Поповские головы для нас — это тот пень, на котором партия затесывает свои коммунистические колья». Ныне мы на все лады любим жевать-пережевывать вопрос «что с нами происходит?». Не тот вопрос твердим тупоголово. Уже пора утвердиться в понимании: «что с нами произошло!». А произошло вот что — власть любая оказалась бессильна перед соблазном рубля. Он у нас хоть и деревянный, но действует как твердосплав.

Не так давно довелось мне присутствовать при обнаружении замысла восстановления церкви Иоанна Предтечи на территории бывшей краевой ВДНХ. Благой замысел. И деньги у частной компании на это находятся. Но не отойдет ли вместе с той постройкой во владение частично территория Нагорного кладбища? Там, под асфальтом, лежит цвет алтайского горного инженерства! Отец-Фролов. Фольклорист Гуняев-отец. Там лежит ликвидатор безграмотности в дореволюционном Барнауле генерал Журин! Журналистки-пичужки, припорхнувшие по заказу на то обсуждение, ни слухом, ни духом не ведают о тех, чьи могилы упрятаны под широкой асфальтированной аллеей. Но о воссоздании храма протрубить поторопились. Церковь — она не в бревнах, а в ребрах. А вот прах предков и память о них — это только из уст в уста, поскольку надмогильных плит Барнаул не сберег.

Все ли так безнадежно? Нет. Говорят, что сгоревший «Империял» в полноте восстановил его строитель возле лодочной станции у железнодорожного моста через Обь.

Маломощный Змеиногорск поднатужился и нашел деньги, чтобы живой водой памяти соединить, оживить расчлененного Ермака. Причем тут Ермак, в Змеиногорске? — спросит иной недоуменно.

А при том. Есть предание — то, что из уст в уста — о ключе близ Караульной горы, царящей над Змеиногорском. А гора та внутри пуста и содержит в себе подземное озеро, по глади коего плавают струг Ермака Тимофеевича, груженный червонным золотом.

Бережливо слово устное. Только на него и упование.

Но легенда эта материализовалась к 270-летию Змеиногорска. Ермак в полный рост встал над заводским прудом. И горожане говорят: «Ну, вот и вывели Ермака Тимофеевича из подземелья на белый свет!»
